

УДК 327

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ НЕЙТРАЛИТЕТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В 1914 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1915 ГОДОВ

Р.В. Пеньковцев

Аннотация

Тема либерального реформизма является важнейшим вопросом политической жизни США. Прогрессивный американский президент – Вудро Вильсон – был удостоен статуса великого руководителя, взявшегося за решение многочисленных трудностей почти сто лет назад. Широкие реформы в области внешней политики были разработаны и осуществлены за годы его президентства. Политика американского нейтралитета в 1914–1915 гг. является важным примером внешнеполитических новаций Вильсона. Эти преобразования были очень успешны и благотворны для США.

Минуло ровно девяносто лет с момента начала одной самых страшных трагедий в истории человечества – Первой мировой войны. Дискуссии по различным сюжетам данного международного катаклизма возникали многократно. Одной из животрепещущих тем является определение той роли, которую в войне сыграли США. Как случилось так, что, заняв изначально позицию стороннего наблюдателя, Штаты в короткие сроки стали определять судьбы воюющих европейских стран? Эволюция американского внешнеполитического курса в течение только первого года войны была более чем существенной. Переломным событием, безусловно, стала гибель британского лайнера «Лузитания» в мае 1915 г. В результате этого происшествия спокойствие американской нации оказалось нарушенным, и на смену беспристрастному арбитражу пришла активная критика германской военщины. Мы попытаемся осветить подобную трансформацию внешнеполитических настроений США через призму такого малоизученного источника, как российская дореволюционная пресса.

Политика всестороннего нейтралитета, проводимая Соединенными Штатами на начальном этапе Первой мировой войны, критически воспринималась российской публицистической мыслью. Газеты и журналы России формировали у читателя образ безвольного президента Вудро Вильсона – человека, мешающего великой державе присоединиться к антигерманской коалиции из-за личной нерешительности. Потребовалось значительное время, прежде чем россияне стали сознавать факт того, что нейтралитет отвечает требованиям подавляющего большинства американцев.

4 августа 1914 г., спустя три дня после начала великой европейской войны, Вудро Вильсон объявил о полном и всестороннем нейтралитете США в конфликте. Президент лично обратился к американской нации с призывом воздер-

жаться от выражения мнений в отношении любой из воюющих сторон. Это было не случайно, так как около 200000 американцев находились в Европе и оказались врасплох застигнутыми войной. «Для Америки война явилась полной неожиданностью, не только для народных масс, но и для правительства» [1], – корреспондировал П.А. Тверской из Калифорнии. Вашингтонское руководство не могло оставить своих граждан за рубежом. Оно мобилизовало огромные финансовые и транспортные средства, организовало комитеты розыска и переправки американцев на родину. Кроме того, дипломатические учреждения США в Европе возложили на себя представительство и защиту интересов многих невоюющих государств.

Многим российским обывателям поначалу казалось, что далекой нейтральной Америке нет дела до разыгравшейся мировой драмы. Антураж абсолютной нейтральности присутствовал в США повсюду. В общественных местах во множестве были развешаны плакаты с призывом: «Ни слова о войне! Мы нейтральны». Государственным чиновникам было строго воспрещено выражать свои мнения о ходе военных действий. Однако это впечатление не полностью отражало реальную ситуацию того времени. По свидетельству талантливого российского публициста И. Рубинова, находившегося в те дни в Нью-Йорке: «Безучастных зрителей теперь нет. Война затрагивает все больше и больше американские интересы, и, судя по тому, с каким азартом все стороны конфликта апеллируют к общественному мнению США, им суждено будет сыграть активную роль раньше или позже» [2]. Автор называет, по крайней мере, три соображения, на основании которых нейтралитет первоначально был необходим Белому Дому: применительно к иностранной политике – как бы не оказаться вовлеченной в чужую ссору; к внешней торговле – чтобы продавать товары обеим сторонам; к политике внутренней – дабы сохранить общественное единство и порядок, оградить от возможных конфликтов, порожденных полинациональностью страны. Это был вполне рациональный подход.

Квалифицированные отечественные специалисты справедливо отмечали, что об антагонизме между Соединенными Штатами и Германией не могло быть и речи. США были тесно связаны с немецкой политической и экономической системами, наукой, культурой. Широкие контакты осуществлялись на всех уровнях: правительственном, деловом, частном. До начала войны в традиционной дружбе с Германией не могло быть никаких сомнений. Но мирные времена закончились, и для американцев немаловажное значение имел вопрос о виновниках этого.

Американские газеты посвящали войне передовые страницы. Как гром среди ясного неба обрушилась на американцев правда о немецких зверствах в Бельгии. Они стали первопричиной тому, что у американской публики стало формироваться убеждение, что ответственность за войну падает на германский милитаризм. Американское общественное мнение постепенно склоняло свои симпатии в пользу Антанты. Журналист В. Кочетков сообщал из Сент-Луиса, что число сочувствующих Англии и Франции неизменно множилось, при том что к России и Сербии отношение было настороженным и более чем прохладным. «В каждом почтовом отделении Соединенных Штатов висит плакат с призывом к помощи бельгийцам, а не менее трагическая участь Польши оста-

лась почти совершенно незамеченной». По сведениям автора, влияние немцев в Америке в первый год войны было очень велико. «Нет сколько-нибудь значительного и даже незначительного города, где бы ни было сплоченной организации немцев» [3]. Тем не менее, значительные усилия немецкой пропаганды в основном не достигали цели, и, главным образом, по причине серьезной правительственной контрреакции. Выдающийся русский поэт Валерий Брюсов, находясь в Америке, прямо говорил о том, что широкие круги американского общества «окончательно заняли позицию самого строгого нейтралитета», а потому негативно относились к любому источнику военной пропаганды [4].

В этой связи «Новое время» приводит частное письмо знаменитого профессора психологии Джеймса Болдуина к немецкому коллеге. В данном письме названы основные причины, по которым просвещенный американец никогда не встанет на сторону германского дела: Германия спровоцировала начало войны. Германия ведет войну подобно бандитам и пиратам, «ее метод – официальный вандализм». Германская пропаганда в Америке «злоупотребляет нашим великодушием»..., «преступает наши законы». Поведение германских дипломатов в США «может стать синонимом интригана и предателя» [5]. Это было начало широкого общественного движения в США, направленного на защиту национальных ценностей и международных норм права.

Известия об огромной контрибуции, которой подверглись захваченные бельгийские города, вызвали взрыв негодования за океаном. В. Вильсон заявил, что правительство Соединенных Штатов берет Брюссель под свое особое покровительство и будет следить за соблюдением законов военного времени [6]. Отношения между Соединенными Штатами и Германией со времени разгрома Бельгии заметно охладели. Берлинские власти остались очень недовольны вмешательством американской дипломатии, не допустившей полного разграбления Брюсселя. Оправдательная кампания германского посла фон Бернсторфа в американской печати потерпела неудачу. Американцы были твердо убеждены, что любое преступление против Бельгии – страны древнейшей культуры – преступление против всего человечества.

Поворот в американском общественном сознании не остался незамеченным российской прессой. «Влиятельная часть американского общественного мнения на первых порах стояла за Германию. Но эти симпатии к немцам быстро охладели, когда стали известны их варварские подвиги в Бельгии», – так определил эту перемену «Вестник Европы» [7]. В те дни Теодор Рузвельт повел ожесточенную антинемецкую кампанию, энергично подчеркивая опасность, угрожающую Америке в случае осуществления замыслов о создании великой Германской империи. Таким образом, можно назвать оккупацию Бельгии отправной точкой формирования американских симпатий антигерманскому движению.

Осенью 1914 г. в США было создано значительное число фондов, осуществлявших сбор средств для облегчения участи мирного населения воюющих государств, в первую очередь, Бельгии. Влиятельный «Фонд Рокфеллера», располагавший средствами на сумму свыше 100 млн. долларов. Им были основаны специальные комиссии, взявшие на себя распределение продовольственной помощи на оккупированных территориях [8]. Германское правительство разрешило

деятельность американских благотворителей и обнадежило их в полной безопасности принадлежащих им судов и грузов. К Рождеству 1914 г. в Соединенных Штатах были собраны тонны подарков для детей воюющих стран. Отечественная пресса неоднократно писала о «таком отрадном явлении, как щедрая американская помощь европейской нужде» [9]. Размер американских пожертвований для пострадавших народов только за первые полгода войны составил десятки миллионов долларов.

С большим интересом в России отнеслись к путевым заметкам Джерома К. Джерома, посетившего Соединенные Штаты осенью 1914 г. В глазах русского читателя рушились мифы о симпатиях американских масс в пользу немцев, об их намерении ради практических соображений признать, что сила может заменить право. Известный писатель поспешил осведомить читателей о настроениях «трех Америк» – молодой, деловой и официальной. «Молодая Америка... была бы счастлива, если бы могла идти в траншеи вместе с союзниками. Деловая Америка знает, что война ей невыгодна, что от войны она теряет все больше и больше, и ждет с нетерпением мира. Официальная Америка совершенно ничего не говорит. Я имел честь посетить президента Вильсона, который... с большим интересом говорил о поэзии!» [10].

С первых месяцев войны в российской прессе активно циркулировала информация о возможности начала мирных переговоров при посреднической роли Соединенных Штатов. Еще в августе 1914 г. В. Вильсон обратился к воюющим сторонам: «Я с радостью потрудился бы в интересах европейского мира»; при этом он предостерег своих соотечественников: «Соединенным Штатам необходимо сохранить хладнокровие, чтобы в будущем принести мир Европе» [11]. В дальнейшем президент неоднократно подтверждал свои медиаторские инициативы. Римский папа Бенедикт XV поддержал благородные намерения Вильсона. Не случайно то, что в международном пацифистском движении изначально присутствовало мнение, что только Ватикан и Вашингтон являются теми авторитетами, которые могли бы оказать влияние на скорое окончание войны. Однако официально страны-союзницы категорически отвергли не только возможность вмешательства третьей стороны в разрешение конфликта, но и саму идею преждевременного мира без гарантий полного крушения германского милитаризма. «Русское слово» сделало любопытное наблюдение о том, что «слухи о мире неизменно совпадают с успехами германского оружия, а посредниками всегда называются Римский Папа и президент США» [12]. Несвоевременные попытки президента Вильсона к мирному посредничеству были единодушно приписаны германской пропаганде. Тем не менее, большинство отечественных изданий признавало, что в перспективе из всех нейтральных государств только США «могут оказывать влияние на вопросы войны и мира» и «имеют все шансы стать наиболее влиятельным посредником» [13].

Для российской прессы было характерно преувеличение воинственных настроений среди американцев. Заокеанским сторонникам союзнического дела было предоставлено приоритетное место на страницах отечественных изданий. К числу таких людей относили, например, Чарльза Элиота – президента Гарвардского университета, который обосновывал рост американских симпатий к союзникам. По его мнению, происходившая война являлась борьбой не между

отдельными странами, но борьбой двух систем: демократической и автократической. «Симпатии американцев не могут быть на стороне тех, кто исповедует принцип «сила выше права» [14], – заявил он.

Еще более решительную позицию занимал экс-президент США Т. Рузвельт. Он требовал от администрации Вильсона незамедлительно выступить на защиту международных законов и увеличить ассигнования на армию и флот. Им был провозглашен лозунг: «Мы должны показать, что можем и готовы силой защищать право» [15]. Таким образом, в США стали закладываться основы «кампании готовности», сопровождавшейся усилением милитаристской агитации. Т. Рузвельт регулярно публиковал в прессе памфлеты самого воинственного содержания. «Кампания готовности» обозначила две основные проблемы: во-первых, состояние американской армии и флота было таково, что страна не может себя считать в полной безопасности от какого-либо внешнего вторжения; во-вторых, следует увеличить состав армии, вплоть до установления обязательной воинской повинности [16]. Для проведения этих идей в жизнь был образован ряд общественных объединений со сходными целями.

Однако поднимающаяся волна военной агитации встретила отпор в лице Вильсона. «То, что некоторые из нас проявляют нервозность и возбужденность, еще не повод для решительных перемен», – заявил президент. По признанию российского публициста А.И. Зака, на том этапе «Вильсон решительно выступил против того типа милитаризма, который настаивает на усилении вооружений, видя в этом необходимые гарантии для сохранения мира» [17]. Президент Вильсон хорошо ощущал неопределенность общественных настроений. В 1914 – начале 1915 гг. милитаристские лозунги в США еще нельзя было признать преобладающими. Колебательная позиция Белого Дома систематически подвергалась критике в официальной российской печати. Вудро Вильсон казался россиянам «пацифистом... слишком робким для защиты попираемых американских прав» [18]. Его выставляли полной противоположностью браво-му полковнику Рузвельту, в котором видели надежного друга.

Лишь незначительная часть отечественных аналитиков пыталась понять и «заступиться» за президента. Так, А.И. Зак в своих корреспонденциях из Нью-Йорка пытался разъяснить русскому читателю разницу между «Вильсоном – человеком», который лично желал бы говорить подобно Рузвельту, и «Вильсоном – президентом», который обязан считаться не столько со своим личным мнением, сколько с мнением всей страны. «Президенту приходится выжидать, пока до идеи неизбежности разрыва «дозреет» подавляющее большинство» [19], – объяснял корреспондент. Объективность подобных утверждений находит наглядное подтверждение в результатах социологических опросов, проводимых в США в 1914–1915 гг. Так, на вопрос об отношении к войне и к воюющим сторонам, проводимом среди 367 редакций американских периодических изданий, 105 выразили солидарность Антанте, еще 20 заявили, что они поддерживают Германию. При этом совершенно неопределенной оказалась позиция 242 изданий [20]. Любопытную зависимость американских предпочтений в войне от географического фактора установил известный публицист Н. Русанов: «В восточных штатах население сочувствует Англии. В центральных и западных – сильно немецкое влияние, но еще в большей степени апатично»

[21]. Данный комментарий лишний раз подтверждает отсутствие единства в американском обществе.

Серьезной проблемой для Соединенных Штатов в первые два года войны стало неуклонное усиление германского шпионажа и пропаганды. Под непосредственным руководством графа Бернсторфа был организован особый немецкий комитет, располагавший огромными фондами. Активно действовало немецкое бюро печати с отделениями во всех больших городах США. В первые месяцы войны прогерманская агитация наводнила собой всю американскую прессу. Тут были воспевания и доблести германского оружия, и гуманности немецкой оккупации, а также предсказания скорого разгрома союзников. Авторитетный российский военный специалист – генерал Строевой (М. Грулев) наглядно продемонстрировал размах немецкой пропаганды. За первые два года войны «германским правительством было истрачено на дипломатический шпионаж в 15 нейтральных государствах свыше 2 млрд. марок. Из них больше всего – 375 млн. – на Соединенные Штаты. Германские дипломатические миссии, во всех нейтральных государствах стали настоящими гнездами шпионажа, а в Америку были направлены наиболее испытанные шпионы» [22].

Масштабы немецкой активности были столь велики, что уже в 1914 г. правительство Вильсона вынуждено было прибегнуть к арестам лиц, занимающихся на американской территории шпионажем и терроризмом в пользу Германии. Была выявлена причастность чиновников германского посольства в США к аферам с поддельными американскими паспортами. На первых же судебных процессах прозвучали имена К. Бой-Эда и Ф. фон Папена, соответственно, морского и военного атташе при германском посольстве, обличенных в качестве организаторов террористических актов. Деятельность команды Бернсторфа являлась недопустимым вмешательством во внутренние дела США, стремлением вбить клин между американским правительством и народом. Корреспонденция И. Рубинова подтверждает, что «вся страна была покрыта сетью шпионажа..., а все нити от этой организации тянутся к немецкому посольству». Но тот факт, что преступные деяния германских официальных лиц стали достоянием общественности, означал слабость и неумелость немецкой дипломатии, которая «не сумела исполнить своей задачи – завоевать американское общественное мнение» [23].

В декабре 1914 г. морское министерство Германии объявило о проведении нового способа ведения войны – подводной блокады. Это было судьбоносное решение. Адмирал А. фон Тирпиц заявил: «Англия хочет взять Германию голодом, а... наши подводные лодки будут пускать ко дну все суда, направляющиеся к ее берегам» [24]. С начала 1915 г. эта угроза стала методично приводиться в действие, а воды вокруг Англии объявлены зоной подводной войны или подводной блокады. Всякое судно, в том числе и нейтральное, обнаруженное в данном районе, подлежало уничтожению. «Вестник Европы» выдвинул предположение, что, провозглашая подводную войну, «берлинский кабинет откровенно рассчитывал на то, что под угрозой потопления американцы заставят Англию снять блокаду Германии..., сделают возможным провоз жизненных продуктов» [25]. Дело в том, что ранее США признали, с определенными оговорками, английскую блокаду законным способом войны. Поэтому первые ин-

циденты с американскими кораблями не вызвали у вашингтонского кабинета резкой постановки вопросов о нарушении немцами международного права.

Ситуация осложнилась, когда, сознавая возросшую опасность морских путешествий, Британия секретным распоряжением рекомендовала своим капитанам использовать иностранные флаги в качестве прикрытия. Первый официально установленный прецедент был создан британским трансатлантическим лайнером «Лузитания», поднявшим в феврале 1915 г. на своем борту американский флаг. Этот случай дал германскому морскому ведомству основания не доверять нейтральным опознавательным знакам, упразднил гарантии неприкосновенности для нейтрального судоходства. Президент Вильсон указал британскому командованию на ответственность за происшествия, связанные с подобного рода маскировкой, но и в дальнейшем аналогичные случаи имели место быть.

За период с февраля по апрель 1915 г. германские субмарины потопили несколько судов, в ходе чего были затронуты американские интересы. Наибольший резонанс в США получили происшествия с кораблями «Эвелин», «Вильям Фрей», «Гальфлейт». Данные инциденты положили начало затяжной дипломатической переписке между правительствами США и Германии. Уже в первых германских меморандумах говорится о том, что в виду «обнаруженного намерения Англия прибегать к пользованию нейтральными флагами увеличивается риск для судоходства этих стран». Впрочем, Белому Дому было обещано, что командирам подлодок предписано «не трогать американских судов, если их национальность легко распознаваема» [26]. Гибель первых американских судов была представлена Германией как случайность или ошибка капитана подводной лодки [27]. Неизменно высказывалось намерение возместить ущерб всем пострадавшим американцам. Оба государства проявили обоюдную покладистость при урегулировании подобных «незначительных вопросов».

Ситуация кардинально изменилась после потопления 7 мая 1915 г. пресловутого лайнера «Лузитания». На судне, шедшем из США в Англию, находились сотни американских граждан. Из них погибли 128 человек, в том числе и мультимиллионер Альфред Вандербильт. Подробности трагедии не сходили со страниц русских газет в течение нескольких недель. Обстановка, сложившаяся тогда в Соединенных Штатах, нашла яркое отражение в корреспонденции И. Рубинова. «Сказать, что американский народ возмущен, значит, не передать и в самой слабой форме настроений американского общественного мнения. Всеобщий приговор относительно характера германского выступления сводится к одному слову «убийство» [28]. Данную мысль развивает А.И. Зак, который характеризует первые недели после катастрофы как «дни «Лузитании», когда США самым реальным образом стояли перед разрывом с Германией. Это был момент глубоких раздумий нации о своем будущем. «Трагедия превратила Америку в пока еще сдержанного, но уже открытого и упорного противника немцев». И все же большинству американцев по-прежнему казалось, что время активных действий еще не пришло – «тактика осторожности и выжидания господствует» [29].

Многие американцы продолжали верить в возможность роковой случайности, считали необходимым предоставить Германии объяснительное слово, хотя

и признавали, что гибель «Лузитании» – факт бессмысленный с военно-стратегической точки зрения. Потопление «Лузитании», вызвав в русской публицистике широкий сочувственный отклик, было поставлено в один ряд с трагедией «Титаника». С этого момента, по определению «Вестника Европы», «подводная война все ярче стала приобретать черты бессмысленного терроризма. Она не могла разрешить главную цель Германии, но лишь множила число жертв, причем жертв мирных» [30].

Следует отметить, что еще до отплытия «Лузитании» из Нью-Йорка ведомство Бернсторфа позволило себе открыто угрожать нападением на этот корабль. Американских граждан через прессу убеждали отказаться от поездки. Особо известным путешественникам предостережение было передано персонально [31]. Однако этому предостережению последовали немногие, слишком твердой была убежденность в том, что звание американского гражданина гарантирует их безопасность. Таким образом, нападение на «Лузитанию» было заранее подготовлено, и немцы отлично знали состав пассажиров. Гибель военного корабля, пущенного ко дну с двумя тысячами пассажирами всех наций, заставила содрогнуться от ужаса весь мир. Истребление мирных судов вместе с американскими пассажирами было настолько убедительным «уроком действительности», что общественное мнение в США отвернулось от немцев» [32], – писал выдающийся российский общественный деятель М.М. Ковалевский.

В тот переломный момент многим стало казаться, что терпение и хладнокровие В. Вильсона было явно не к месту. Пресса России регулярно напоминала американским властям о таком отношении Германской империи к договорам, именуемым «клочками бумаги», при которых любое соглашение теряло смысл. Пока еще «от президента никто не требует объявления войны..., но для ограждения национального достоинства американское правительство должно отгородиться от германских преступлений» [33]. От Соединенных Штатов ожидали демонстрации силы, но действующий состав вашингтонского кабинета заставлял в этом сомневаться.

Действительно, первые шаги Белого Дома относительно дела о «Лузитании» вполне оправдывали обвинения в его недостаточной решительности. Вильсон проводил все время в бесчисленных консультациях с чиновниками и парламентариями, ждал результатов следствия. Не высказывая официального взгляда на случившееся, он призвал нацию сохранять хладнокровие. Однако за пределами США плохо представляли то, что правительство США не было однородным по своим взглядам.

Убежденный пацифист статс-секретарь Уильям Брайан, не желая разрыва с Германией, всячески старался смягчить тональность официального протеста. С другой стороны, ряд военных чиновников высказывался за более решительный образ действий. Президент вынужденно избрал лавирующую, компромиссную линию. Признаки этого нашли отражение в американской ноте, направленной в Берлин 13 мая 1915 г. за подписью У. Брайана. Из ее текста следовало, что в Вашингтоне все еще надеялись на несоответствие поступков конкретных командиров субмарин, «введенных в заблуждение», с общей доктриной германского правительств. Последнему рекомендовалось «внимательнее наблюдать» за своими подчиненными, «принять меры для предотвращения по-

вторений» [34]. Формулировки, присутствовавшие в ноте, очевидно, выявляли намерение В. Вильсона не допустить осложнений ни военного, ни дипломатического характера. США продолжали отстаивать личные права, не протестуя против германского образа действий в целом. Вся печать России отлично сознавала, что Вильсон не желает доводить дело до открытого разрыва и оставляет Германии путь для отступления. Она не была склонна преувеличивать практическое значение ноты. По признанию «Нового времени», это было «нравственное увещание», «формальное предупреждение», в котором президент склонен был признать гибель «Лузитании» очередным «недоразумением» [35].

Германский ответ не оправдал компромиссных надежд Белого Дома, более того, поставил его в чрезвычайно сложное положение. Берлинская дипломатия, хотя и выказала соболезнование родным погибших американцев, тут же предупредила, что и впредь для нейтральных граждан будут представлять реальную опасность перемещения на вооруженных британских пароходах, подобных «Лузитании» [36]. Американские таможенные власти, производившие осмотр судна пред его отплытием из Нью-Йорка, поспешили документально опровергнуть последнее обвинение. Ответ Германии, в котором вся вина перекладывалась на пострадавшую английскую сторону, был неудовлетворительным в понимании лично Вильсона и большинства членов правительства. Однако статс-секретарь Брайан склонен был рассматривать немецкие объяснения вполне приемлемыми, и не считал нужным дальнейшее нагнетание страстей. Сложилась ситуация полного раскола мнений и в правительстве, и в массах.

Президент вынужден был выступить в роли арбитра, призванного сказать решающее слово. Как выдающийся знаток международного права, Вильсон полагал, что американцы, подобно другим нейтралам, могут плавать под флагом любого государства, и намеревался отстаивать данный пункт перед Германией в новой ноте. Брайан же считал передвижение на кораблях воюющих держав неприемлемым с точки зрения нейтралитета и предрекал неизбежность войны в случае взаимного упорства. Он желал передать разногласия на рассмотрение международной комиссии. Разойдясь с президентом во взглядах по данному конкретному вопросу, У. Брайан не считал возможной продолжать работу в правительстве и подал в отставку. В своем прощальном воззвании он указал, что причиной ухода стало неприятие Белым Домом нового внешнеполитического мышления, реализуемого им. «Применение силы представляет старую систему, путь же мирного убеждения является системой новой» [37]. С определенного момента пацифистские взгляды Брайана разошлись не только с воззрениями большинства членов правительства, но и с общественным мнением. Формальной причиной ухода стало его несогласие с «очень резким» содержанием предстоящей второй ноты о «Лузитании». После Брайана «настроение в Вашингтоне и в массах резко изменилось в сторону, враждебную Германии. Есть все основания думать, что в случае ее дальнейшей неуступчивости Соединенные Штаты прекратят с ней дружественные сношения» [38].

Отставка Брайана стала для русских публицистов приятной неожиданностью, сулящей перемены в политике США, выгодные для стран Антанты. Преподнося произошедшее событие как результат «коренных разногласий между президентом и статс-секретарем», российской прессой была выстроена целая

теория «о пацифизме и ультрапацифизме». Вильсон, хоть и сторонник мира, но он никогда не поступится национальным достоинством и жизненными интересами Штатов перед германской угрозой. Другое дело Брайан, сделавший своим лозунгом «мир любой ценой». Он «не желал видеть того печального факта, что германское правительство фактически начало без объявления войны враждебные операции против Соединенных Штатов» [39]. Иными словами, отставка Брайана воспринималась в России не столько как заметное ослабление пацифистских, сколько прогерманских сил в Америке. По мнению отечественной прессы, «брайанизм» и вся пацифистская кампания претерпели в короткие сроки своеобразную «политическую мутацию». Следуя метафоре А.И. Зака: «Брайан начертил карикатуру на прекрасное лицо мира, как бы показывая, что получается, если прекрасные в своей пропорции черты доведены до крайнего предела. Его идеалистические мечтания... оказались очень полезными для кайзера Вильгельма» [40]. Теперь его отставка лишала германские правящие круги прежней уверенности в том, что Соединенные Штаты ограничатся отвлеченными представлениями и не допустят разрыва.

Уход Брайана привел к двум практическим последствиям: у Соединенных Штатов появился новый статс-секретарь – Роберт Лансинг, а Германия получила ноту решительного характера. Любопытные оценки получила фигура Р. Лансинга в России. Его окрестили как человека, «полностью единомышленного с Вильсоном» [41]. Это краткое резюме подтвердило давно бытовавшие предсказания о неизбежности замены Брайана на более покладистого, менее одиозного политика.

Текст второй ноты от 10 июня 1915 г. свидетельствовал о заметном ужесточении правительственного курса Штатов в отношении германского образа действий. Вашингтон в официальном порядке опроверг сведения о перевозке на «Лузитании» военных предметов и, тем самым, отверг возможность перекладывания вины на Великобританию. Лица, утверждавшие о наличии на судне оружия, были арестованы по обвинению в лжесвидетельстве. Важным стало четкое формулирование правил ведения боевых действий на море, согласно которым подводным лодкам воспрещалось топить все невооруженные, несопротивляющиеся коммерческие пароходы, независимо от их национальной принадлежности. Отныне США брали на себя обязанность «бороться за священные права всего человечества» так же, как и «требовать бесспорных гарантий безопасности американцев» [42]. Соединенные Штаты добились приемлемого, с точки зрения международного права, исхода затянувшегося дипломатического спора. Германия согласилась признать большинство из американских требований, дала необходимые гарантии безопасности.

После завершения «Дела о Лузитании» подводная блокада, реализуемая германским командованием, перешла в качественно новую фазу. «Отныне подданные всех нейтральных держав, путешествующие в Атлантическом океане, могут вздохнуть свободно. Германия должна признать себя побежденной в дипломатическом поединке с Америкой» [43], – писало в те дни «Русское слово». Морской войне были приданы более умеренные масштабы, она стала носить выборочно-целевой характер. Субмаринам предписывалось подвергать встречные коммерческие суда досмотру, а топить их лишь в том случае, если на них

обнаружена военная контрабанда. М.М. Ковалевский назвал исход событий, связанных с «Лузитанией», «серьезной победой Вильсона над Германией... во имя человеколюбия и международного права» [44].

Трагедия «Лузитании» стала поворотным событием в развитии Первой мировой войны. Начиная с этого момента, в американском обществе и правительстве стали проявляться решительные настроения, явно отвечающие интересам Антанты. В течение первого года войны внешнеполитический курс США претерпел существенную эволюцию. Позиция «всестороннего нейтралитета» хотя и оправдывала себя с экономической точки зрения, негативно сказалась на международном престиже страны. Требовалось внести определенные политические коррективы, и для президента Вильсона это было очевидным. Он тонко чувствовал настроения американских масс, медленно, но устойчиво дрейфующих навстречу странам Антанты. Уильям Брайан оказался не готов к подобным переменам. Он продолжал мыслить предвоенными категориями а-ля «всесветный мир», которые на практике доказали свою несостоятельность адекватно реагировать на международную обстановку в условиях военного времени. Его отставка была неизбежным, хотя и болезненным решением. Приход Р. Лансинга в качестве статс-секретаря говорил о решимости президента взять бразды правления внешней политикой в собственные руки. Первые же шаги кабинета Лансинга свидетельствовали о том, что американские интересы не совпадают с германскими. Конечно, вопрос об объявлении войны был еще преждевременным, но политические симпатии США к странам Антанты, преимущественно через британские каналы, летом 1915 г. становятся очевидными.

Summary

R. V. Penkovtsev. Evolution of the neutrality policy of the US in 1914 – first half of 1915.

The theme of liberal reformism is the major question of political life in USA. The progressive era's American President – Woodrow Wilson, was named as the Great Chief, resolved all these difficulties almost hundred years earlier. The wide reforms in the field of external policy were carried out during his Presidency. The policy of the American neutrality during 1914–1915 is the important example of foreign Wilson's novations. The transformations were very successful and fruitful for the USA.

Примечания

1. *Тверской П.А.* Как война отозвалась в Америке // Вестник Европы. – 1914. – № 12. – С. 281, 284.
2. *Рубинов И.* Нейтральная Америка // Русские ведомости. – 1914. 6 ноября. – № 256.
3. *Кочетков В.* Война и Соединенные Штаты // Русское слово. – 1915. 7 мая. – № 103.
4. *Брюсов В.* Война вне Европы // Русская мысль. – 1914. – № 8. – С. 136.
5. Мнение американского ученого о немецких притязаниях. Внешние известия // Новое время. – 1915. 3 июня. – № 14090.
6. Заявление американского посланника. Телеграммы // Русское слово. – 1914. 11 августа.
7. Военные события и их значение. Иностранное обозрение // Вестник Европы. – 1914. – № 10. – С. 343.

8. Фонд Рокфеллера. Телеграммы // Русское слово. – 1914. 21 октября.
9. *Рубинов И.* Война и американская благотворительность // Русские ведомости. – 1915. 21 января. – № 16.
10. *Джером К.Джером.* Что думает Америка // Русское слово. – 1914. 2 ноября. – № 253.
11. Обращение Вильсона. Телеграммы // Новое время. – 1914. 25 июля.
12. Разговоры о мире. Передовица // Русское слово. – 1915. 23 октября. – № 242.
13. Положение нейтральных государств. Иностранное обозрение // Вестник Европы. – 1915. – № 1. – С. 360.
14. Американское мнение о войне. Телеграммы // Новое время. – 1914. 5 октября.
15. Разоблачения Рузвельта. Телеграммы // Русское слово. – 1914. 29 октября.
16. *Зак А.И.* Из Америки // Вестник Европы. – 1915. – № 2. – С. 292.
17. *Зак А.И.* Война и американцы // Русские ведомости. – 1915. 6 января. – № 4.
18. Слишком гордый, чтобы драться. Передовица // Новое время. – 1915. 5 декабря. – № 14275.
19. *Зак А.И.* Военные приготовления в САСШ // Вестник Европы. – 1915. – № 11. – С. 278–298.
20. Отношение американцев к войне. Телеграммы // Русское слово. – 1914. 7 ноября.
21. *Русанов Н.С.* Основы германофильства в САСШ // Русское богатство. – 1915. – № 2. – С. 276.
22. *Строевой.* Дипломатический шпионаж Германии в эту войну // Утро России. – 1916. 3 сентября. – № 246.
23. *Рубинов И.* Германский шпионаж и германская дипломатия // Русские ведомости. – 1915. 23 апреля. – № 92.
24. Заявление фон Тирпица. Телеграммы // Русское слово. – 1914. 10 декабря.
25. Политика по вопросам морской войны. Иностранное обозрение // Вестник Европы. – 1915. – № 3. – С. 357.
26. Ответная нота Германии. Телеграммы // Русское слово. – 1915. 4, 6 февраля.
27. Объяснения Бернсторфа. Телеграммы // Русское слово. – 1915. 23 апреля.
28. *Рубинов И.* Гибель «Лузитании» и американцы // Русские ведомости. – 1915. 3 июня. – № 126.
29. *Зак А.И.* Дни «Лузитании» // Вестник Европы. – 1915. – № 7. – С. 267, 271, 275.
30. Дипломатические споры между Германией и САСШ. Иностранное обозрение // Вестник Европы. – 1915. – № 5. – С. 379.
31. Немецкие угрозы. Телеграммы // Новое время. – 1915. 20 апреля.
32. *Ковалевский М.* Германцы против англичан // Вестник Европы. – 1915. – № 5. – С. 272.
33. Вмешательство Америки. Передовица // Русское слово. – 1915. 2 мая. – № 99.
34. Текст ноты Вильсона. Телеграммы // Русские ведомости. – 1915. 8 мая. – № 104.
35. Вильсон и Вильгельм II. Передовица // Новое время. – 1915. 10 мая. – № 14067.
36. Ответная нота Германии. Телеграммы // Новое время. – 1915. 15 мая. – № 14071.
37. Воззвание Брайана. Телеграммы // Русские ведомости. – 1915. 30 мая.
38. Письмо Брайана. Передовица // Русские ведомости. – 1915. 29 мая. – № 122.
39. Отставка Брайана. Передовица // Русское слово. – 1915. 28 мая. – № 121.
40. *Зак А.И.* Два полюса // Вестник Европы. – 1915. – № 8. – С. 307–309.

41. Отставка Брайана. Телеграммы // Русские ведомости. – 1915. 29 мая.
42. Нота САСШ к Германии. Телеграммы // Новое время. – 1915. 31 мая. – № 14087.
43. Успех президента Вильсона. Передовица // Русское слово. – 1915. 22 августа. – № 193.
44. *Ковалевский М.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. – 1915. – № 9. – С. 346.

Поступила в редакцию
19.04.05

Пеньковцев Роман Владимирович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры международных отношений Казанского государственного университета.

E-mail: *Roman.Penkovtsev@ksu.ru*